

- Omel'chenko E.L. & Sabirova G.A. *Molodezhnyi vopros: smena optiki. Ot subkul'tur – k solidarnostiam. Noye molodezhnye dvizheniia i solidarnosti Rossii.* Eds. E.L. Omel'chenko & G.A. Sabirova. Ul'ianovsk: Ul'ianovskii gosudarstvennyi universitet, 2011, pp. 5–20.
- Omel'chenko E.L. & Pilkington H. *Liubit', gordit'sia, uezzhat'?* Rossiiskaia molodezh' v patrioticheskom labirinte. *S chego nachinaetsia Rodina: molodezh' v labirintakh patriotizma.* Eds. E.L. Omel'chenko & H. Pilkington. Ul'ianovsk: Ul'ianovskii gosudarstvennyi universitet, 2012, pp. 5–30.
- Omel'chenko E.L. & Pilkington H. (eds.). *S chego nachinaetsia Rodina: molodezh' v labirintakh patriotizma.* Ul'ianovsk: Ul'ianovskii gosudarstvennyi universitet, 2012.
- Oushakine S.A. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia.* Ithaca: Cornell University Press, 2009.
- Sperling V. *Nashi Devushki: Gender and Political Youth Activism in Putin's and Medvedev's Russia.* *Post-Soviet Affairs*, 2012, vol. 28, no. 2, pp. 232–261.

ЭО, 2015 г., № 1

© Д.П. Каранов

**ГАЗЕТА “INKERI” КАК СРЕДСТВО
КОНСТРУИРОВАНИЯ ИНГЕРМАНЛАНДСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Ключевые слова: газета “Inkeri”, конструирование этнической идентичности, ингерманландские финны, финны Петербургской губернии, финская периодика Петербурга, этнокультурное развитие

В работе раскрывается роль газеты “Inkeri” в конструировании идентичности ингерманландских финнов на рубеже XIX–XX вв. Газета представляется изданием, удовлетворявшим информационные потребности ингерманландцев и вместе с тем формировавшим у них общие представления о “себе” и “других”, о “своем” и “чужом”. Выделяется тематика, наиболее существенная для анализа влияния газеты. Отмечены участие и мотивы отдельных персоналий в жизни газеты. Статья основывается на данных, полученных в ходе контент-анализа газеты “Inkeri”, издававшейся в 1884–1905 гг. и в 1907–1917 гг.

Финнов-лютеран, проживавших в сельских окрестностях Санкт-Петербурга, принято называть ингерманландцами или ингерманландскими финнами. Профессор Л.В. Суни дает им такое определение: “одна из групп старожильского финноязычного населения Ленинградской области” (Прибалтийско-финские... 2003: 469). В работах, посвященных истории данной этнической общности, ее генезис связывают с переселенческой политикой Шведского королевства, проводимой им в XVII в. Получив под свой контроль Ижорскую землю (Ингерманландию), шведские власти оказывали давление на местных жителей православного вероисповедания, облагая их налогами и тем самым инициируя бегство части населения в Россию. Опустошенные деревни и брошенные земли Швеция стремились заселить собственными подданными, способствуя активизации миграции из Финляндии. На сегодняшний день в работах, раскрывающих те или иные аспекты истории ингерманландцев, существует прочно укре-

пившееся мнение о том, что финны-мигранты ассимилировали часть ижоры и води в XVII в., став новым народом Ингерманландии – ингерманландскими финнами (Там же).

Большинством исследователей поддерживается сложившееся в середине XIX в. разделение ингерманландских финнов на две этнографических группы: эурямёйсет и савакот (*Sihvo* 1991). Этническая граница между ними обуславливалась разностью представлений о самих себе и друг о друге, а также определенным языковым барьером (*Конькова, Кокко* 2009: 45). Однако к февральской революции 1917 г. ингерманландские финны представляли собой организованное общество, имевшее собственную интеллигенцию, в среде которой велись самые разные дискуссии, в том числе политического характера (*Мусаев* 2001). Трансформация ингерманландского общества была следствием влияния разных факторов (развитие школьной системы, деятельность интеллигенции, просветительских обществ и т.д.), но мы бы хотели обратить внимание читателей на роль в этом процессе газеты “*Inkeri*”, представив анализ ее конструктивного воздействия на понимание прошлого, настоящего и места религии в повседневной жизни. Но прежде остановимся на причинах учреждения газеты и личностях, связавших с ней свою судьбу.

I. Рождение и жизнь газеты: личности, мотивы и цензура

“*Inkeri*” была не первой финской газетой Петербурга. Начало издательской деятельности на финском языке в Санкт-Петербурге относится к 1870-м гг. Первая газета, “*Pietarin sanomat*” (“Петербургские известия”), стала выходить еще в 1870 г. Ее выпуск организовал магистр Иохан Август Хагман, приехавший из Выборга, где он редактировал газету “*Ilmarinen*” (название дано, вероятно, в честь Сеппо Ильмаринена – бога воздуха и погоды в финской мифологии) (Там же: 49–50). В каждом номере “*Pietarin sanomat*” помимо новостей печатались стихи и рассказы на литературном финском языке.

Инициатива Хагмана дала толчок развитию газетного дела на финском языке в Петербурге. Уже через год, с 1871 г., стала выходить другая финская газета – “*Pietarin sunnuntailehti*” (“Петербургская воскресная газета”), основателем которой был пробст И.Х. Эквист. Она стала первой религиозной газетой на финском языке, выпускавшейся в Петербурге. В 1874 г. начала печататься “*Pietarin lehti*” (“Петербургская газета”). В 1879–1883 гг. выходила газета “*Pietarin viikkosanomat*” (Петербургские недельные известия) (*Inkeri* 1884: № 1).

Несмотря на разнообразие периодических изданий, выпускавшихся в 1870-х гг., интерес к ним со стороны ингерманландских финнов был минимален. Низкая популярность первых финских газет объясняется тем, что они были ориентированы на удовлетворение информационной потребности иной аудитории – петербургских финнов, финляндских трудовых мигрантов. В них не было той “начинки”, которая могла привлечь ингерманландских крестьян. Учитель и кантор Пааво Ряйккёнен в работе “Сочинение о земледелии в Ингерманландии”, написанной в 1878 г., отмечал равнодушие ингерманландских крестьян к петербургским и финляндским газетам, отражавшееся в нежелании их покупать и читать (*Халтсонен* 2010: 235). Крестьянину требовались новости и статьи, написанные на понятном языке и интересные ему. Ингерманландская интеллигенция, зарождавшаяся в это время, считала своим долгом всестороннее развитие своего народа, чему могло помочь создание первой ингерманландской газеты. Решить эти задачи была призвана газета “*Inkeri*” (“Инкери”).

История газеты “*Inkeri*” включает четыре неравных временных периода: во-первых, стоящий особняком первый год издания – 1884 г., когда главным редактором был А.Ф. Силен; во-вторых, время, когда газета выпускалась под редакцией М. Путро (1885–1905); в-третьих, возрождение “*Inkeri*” после короткого перерыва М. Путро и

П. Рйяккёненом (1907–1910); и в-четвертых – период выпуска газеты в Выборге под редакцией С. Эронена (1910–1917). Каждый период связан со временем пребывания той или иной личности на посту главного редактора.

Первый номер "Inkeri" увидел свет 3 января 1884 г. Газета состояла из двух листов, или одного разворота. Основателем и главным редактором новой финской газеты в течение 1884 г. был старший преподаватель петербургской церковной школы при финском приходе св. Марии А.Ф. Силен, уже имевший опыт редактирования ранее упоминавшейся финской периодики. Помимо Силен в редколлегии в 1884 г. входили: настоятель О. Рокканен, пастор П. Снельман, учитель Ю. Отсалайнен, владелец книжного магазина А. Линдеберг, мастер-трубочист М. Сийтонен и ламповый мастер И. Пуса. Фигуры О. Рокканена и А. Линдеберга особенно примечательны в этом перечне.

Отто Рокканен заслуживает внимания благодаря своей активной просветительской деятельности. Его имя связано не только с созданием первой ингерманландской газеты, но и с открытием первой воскресной школы в Ингерманландии в 1874 г. К 10-м гг. XX в. сеть воскресных школ охватила почти все финские деревни. Учителя данных заведений систематически участвовали в съездах и конференциях, на которых обменивались опытом с коллегами и вырабатывали совместные решения по использованию методов и приемов обучения. Воскресные школы стали эффективным каналом влияния на ингерманландских детей после передачи церковно-приходских школ под контроль Министерства народного просвещения.

В отличие от настоятеля Рокканена, характерного представителя и проводника интересов евангелической-лютеранской церкви, Антон Линдеберг, возможно, был ведом коммерческими перспективами. На эту мысль нас наталкивает реклама его книжного магазина – "Anton Lindebergin kirjakaupassa" ("В книжном магазине Антона Линдеберга"). Помимо продажи книг на финском и шведском языках Линдеберг занимался реализацией финляндских фабричных изделий. М. Иванов в своей монографии отмечает, что магазин Линдеберга был основан в 1877 г. и сначала располагался на Малой Конюшенной улице в доме № 10, а затем переехал на Большую Конюшенную, № 8. Он пишет: "Здесь можно было подписаться на финляндскую шведоязычную прессу или выписать из Финляндии и Швеции книги" (Иванов 2004: 75). В 1880-х гг. реклама Линдеберга печаталась практически в каждом номере "Inkeri" и занимала от 1/8 до 1/2 площади последней страницы. Помимо адреса и приглашения посетить магазин она включала в себя список книжных новинок на финском языке, выставленных на продажу, среди которых имелась христианская литература, песенные сборники, "Калевала" и т.д.

В первый год своего существования "Inkeri" выходила два раза в неделю. Всего за 1884 г. было выпущено 104 номера, что является своеобразным рекордом, так как уже в 1885 г. периодичность снизилась до 52 номеров в год (т.е. один номер в неделю). В начале 1885 г. главный редактор и основатель "Inkeri" А.Ф. Силен уступает свое место Моозесу Путро. В феврале 1885 г. Путро публикует в газете статью-призыв, в которой говорит о необходимости существования газеты, а также о ее неограниченном значении для ингерманландцев. Он заявляет, что "Inkeri" должна жить и что люди, которым небезразлична судьба собственного народа, должны приложить все усилия, чтобы газета могла выходить и в дальнейшем (Putro 1885). Видимо, в это время газета столкнулась с проблемами и ей требовалась помощь.

Личность Моозеса Путро представляет большой интерес как при анализе роли газеты "Inkeri", так и в целом при исследовании этнокультурного развития ингерманландских финнов на рубеже XIX–XX вв. Он родился в 1848 г. в приходе Туутари (Дудергоф) (Jamalainen 1982: 24–25). В 1863 г. поступил в только что открывшуюся Колпанскую семинарию. Во время обучения проявил незаурядные способности, особенно в музыке и хоровом пении. После окончания семинарии в 1866 г. он остается

в ней преподавать хоровое пение и параллельно продолжает обучение в учебных заведениях Эстонии и Финляндии. В 1874–1878 гг. в Петербургской консерватории он изучал игру на органе (*Григорьева* 1995: 124). Современники будут считать Путро наиболее крупным деятелем ингерманландской культуры, а для самих ингерманландцев он станет национальным героем. Такую высокую оценку его деятельности получила не только за выпуск газеты “*Inkeri*” на протяжении двадцати лет. Любое значительное явление или событие в культуре ингерманландцев тех лет так или иначе было связано с его именем. Прежде всего Путро запомнился потомкам благодаря: созданию первого финского песенного общества, сочинению гимна ингерманландцев “*Nouse, Inkeri!*” (“Вставай, Инкери!”), организации первого национального праздника ингерманландцев в 1899 г., развитию движения за трезвость и грамотность и т.д.

Нужно отдать должное Путро, а также помогавшим ему пастору Рокканену и учителю Отсалайнену, не прекращавшим выпуск газеты в трудные дни, даже во времена усиления цензуры. Не секрет, что деятельность газеты находилась под пристальным вниманием соответствующих органов, а статьи и номера досконально изучались цензорами. Цензура то усиливалась, то ослабляла хватку. Так, относительная свобода второй половины 1880-х гг. сменилась ужесточением контроля, который в начале 1890-х гг. проявлялся в запрете на публикацию отдельных статей и даже использовании некоторых слов. Газета все больше становилась новостной, при этом все менее ингерманландской. Такая тенденция продолжалась вплоть до смерти императора Александра III 20 октября (1 ноября) 1894 г. Несмотря на временное улучшение ситуации в конце XIX в., в дальнейшем именно цензура послужила причиной первоначального прекращения работы газеты в 1905 г.

В последнем (как тогда казалось) номере “*Inkeri*”, № 48 от 2 декабря 1905 г., Путро опубликовал статью “*Huvästi!*” (“Прощайте!”), в которой перечислял причины прекращения работы, одной из них назвав давление цензуры. Так, он приводит слова, которые ни при каких обстоятельствах нельзя было употреблять: “*Inkerinmaa*” (“Ингерманландия”), “*Inkerin kansa*” (“ингерманландский народ”), “*vieraskieli*” (“иностранный язык”, применительно к русскому), “*lakko*” (“забастовка”), “*työväen kysymys*” (“рабочий вопрос”) и др. (*Putro* 1905). В этом же номере читателям предлагалось подписываться на другую газету – “*Uusi Inkeri*” (“Новая Инкери”). Эта газета, впрочем, просуществовала недолго: ее номера были уничтожены, а редакторы К. Тюнни и П. Ряйккёнен отданы под суд за публикацию статей революционного характера (РГИА 1).

Тогда казалось, что “*Inkeri*” больше не будет выходить, но определенные причины (речь об этом пойдет в другой части статьи) заставили Путро в 1907 г. возобновить выпуск. Возродить газету помог Ряйккёнен, который затем, в 1908 г., сменил Путро на посту главного редактора.

Пааво Ряйккёнен был известным деятелем ингерманландской культуры ещё до активной работы в “*Inkeri*”. Ранее под его редакцией выпускались финские народные календари Ингерманландии, популярные у простых крестьян. Календари содержали сведения о финской истории и культуре, рекомендации по земледелию и ведению домашнего хозяйства, основы бухгалтерии, разъяснение актуальных юридических вопросов и многое другое.

Ряйккёнен, как и многие ингерманландские интеллигенты, окончил Колпанскую семинарию. Активная деятельность молодого кантора в сфере просвещения своих соплеменников привела к тому, что в августе 1899 г. он, как “политически неблагонадежный”, получил предписание покинуть Санкт-Петербургскую губернию и переселиться в Великое княжество Финляндское (*Люккенен* 2007: 61). В 1902 г. он получил разрешение вернуться в пос. Токсово, где до ссылки служил кантором. Что касается работы Ряйккёнена в “*Inkeri*” то это был хотя и короткий, но, возможно, самый плодотворный с точки зрения публицистики период в истории газеты. Открытая дискуссия с редакцией и авторами газеты “*Neva*”, статьи и заметки на политические вопросы

чередовались с раскрытием религиозных тем и освещением ингерманландских и мировых новостей. Публиковались статьи, посвященные различным сторонам болезненного национального вопроса, причем некоторые – с продолжением. Так, статья “Missä on Inkeriläisen isänmaa?” (“Где родина ингерманландцев?”) печатается в двух номерах (Inkeri 1908: №№ 5, 6). В целом, по сравнению с предыдущим периодом, на страницах “Inkeri” более свободно употребляются отдельные слова и словосочетания, а также рассматриваются ранее запретные темы.

Однако в начале 1910 г. в “Inkeri” меняется руководитель и место издания: главным редактором становится С. Эронен, а печать переносится из Петербурга в Выборг, в типографию “Viipurissa Karjalan Kirjaino O.Y.” (Выборгское карельское издательство). Трудно сказать, что стало причиной смены руководства и места выпуска. Скорее всего, и в этом случае не обошлось без давления со стороны государства, усилившего контроль за периодикой после Первой русской революции.

“Inkeri” под редакцией Симо Эронена выпускалась вплоть до 1917 г. Ему помогали пастор О. Лоухелайнен и М. Пиирайнен. Начиная с 1911 г. заметную роль играет пастор Ф. Реландер. За долгие годы в редакции газеты не оказалось ни одного ингерманландца, но, несмотря на это и на переезд в Финляндию, газета оставалась ингерманландской. Новое руководство продолжало линию прежних редакторов. В “Inkeri” в эти годы публиковались новости финских деревень Санкт-Петербургской губернии, освещались вопросы истории, религии и культуры. После начала Первой мировой войны “Inkeri”, как и другие российские газеты, обратила внимание на вести с фронта, выделив фронтовому новостному блоку чуть ли не половину собственной площади. С этих пор и вплоть до прекращения выпуска новости военной тематики будут занимать большую часть газеты.

В 1917 г., после прихода к власти большевиков, “Inkeri” прекратила существование. Большинство авторов и редакторов эмигрировали в Финляндию. Примечательно, что Путро, выпускавший газету более 20 лет, остался на родине. Обстоятельства окончания его жизненного пути неизвестны; считается, что он бесследно исчез (погиб?) в 1919 г.

Судьба газеты “Inkeri” тесно связана с судьбами ее авторов и редакторов. По большому счету, газета стала внешним продолжением их самих, экраном их мировоззрения. С ее помощью они делились с читателями своими тревогами, надеждами, планами, мечтами, иллюзиями и, конечно же, представлениями о самих себе, о своем народе, об Ингерманландии. При этом информация не воспринималась большинством читающих критически. Мало того, что мы говорим о XIX в., так еще и основные покупатели газеты – финские крестьяне, для которых образованный человек (в большинстве случаев – священник или учитель) практически всегда являлся авторитетом. Тем более если он был выходцем из местной крестьянской среды. Таким образом, газета была средством трансформации субъективных представлений авторов и редакторов в объективное знание читателей.

II. Конструирование Прошлого: Ингигерда, народы и знаковые места

Важным элементом этнической идентичности является историческая память. Бывает, что поиски ответов на вопросы настоящего заставляют человека оглядываться назад и пытаться искать их в прошлом. Кто есть я? Где я живу? Кого люблю и кого ненавижу? Часто на эти и другие вопросы отвечает именно история. Так каким Прошлым представлено на страницах газеты “Inkeri”?

Уже в первом номере газеты, на первой странице, публикуется статья исторического характера – о развитии финской периодики Петербурга (Inkeri 1884: № 1). Исторические материалы время от времени появлялись на страницах газеты, но их публикация не носила систематического характера. Однако было и исключение. Так,

серия “Inkerinmaa”, состоявшая из трех лекций, публиковалась по частям с сентября 1895 г. по март 1896 г. – всего девять исторических заметок.

Первая лекция, опубликованная по частям в четырех номерах газеты, представляла собой описание становления Ингерманландии – от рождения имени до обретения границ. Авторы выделяли ряд исторических событий, которые, по их мнению, имели большое значение для становления Ингерманландии.

Первая заметка начинается с объяснения, что на сегодняшний день (конец XIX в.) этимология слова “Ингерманландия” не ясна. По мнению авторов, всякой теории, объясняющей происхождение данного названия, не хватает доказательств. При этом не приводится хотя бы краткого обзора существующих версий и предположений. Пишется, что происхождение слова “Inkerinmaa” правильнее связывать с именем Ингигерды (шв. Ingegerd), дочери шведского короля Олафа Шётконунга. Отец подарил ей город Ладогу и прилегающие к нему земли на свадьбу в 1019 г. Замуж она вышла, как известно, за киевского князя Ярослава Мудрого. Соответственно, земли, ставшие ее владением, стали носить имя Ingegerdinmaa (земля Ингигерды) или, на финский манер – Inkerinmaa. В попытке придать данной версии правдоподобность и весомость авторы ссылаются на академика А.И. Шёгрена (professori Sjögren) как на ее автора (Inkeri 1895: № 39).

Они также пишут, что данное название быстро приобрело известность в Европе, о чем говорит тот факт, что в сокращенной форме (как Ingria или Ingaria) оно использовалось в буллах пап Александра III и Александра IV (Там же). Поскольку в папских буллах оно употребляется вместе с другими близкими названиями, авторы поясняют, что уже в те далекие времена существовало представление о значительной разнице между Водской землей (финн. Vatjanmaa) и Ингрией. Под первым названием понималась западная часть нынешней Ингерманландии, под вторым – южное побережье Ладожского озера.

Так ингерманландским интеллигентам конца XIX в. представлялось “начало истории” Ингерманландии. Возникает вопрос: почему для объяснения происхождения слова “Inkerinmaa” была выбрана наименее правдоподобная, по сравнению с другими, версия? Например, есть мнение, что слово “Inkerinmaa” произошло от названия реки Ижора (фин. Inkeri). Убедительности добавляет и то, что в таком варианте “Inkerinmaa” соотносится с русским названием этой области – Ижорская земля. Выдвигались и другие гипотезы. Почему же авторы ничего не говорят о них? Возможно, ответ кроется в содержании легенды. Ведь изначально миф об Ингигерде вызывает лишь положительные ассоциации. Топоним возник не в результате захвата территории врагами, не вследствие кровавой войны – земля не терпела нужду и унижение, ее не грабили и не насиловали, а название появилось в результате брака юной шведской принцессы с мужественным русским князем.

Ключевые значения в этом мифе имеют такие элементы, как “юная принцесса”, “брак – священный союз”, “русский князь” и “земля – свадебный подарок”. В центре мифа – образ юной девушки, несущий интимные коннотации и часто ассоциирующийся с “чистотой”, “искренностью”, “непорочностью” и другими категориями. Она вступает в брак, становясь “супругой”, “женой”. Этот мощнейший образ сочетается с такими категориями, как “материнство”, “надежность”, “семья” и т.д. То есть один положительный образ посредством брачного союза трансформируется в другой – не менее положительный. При этом трансформация поощряется даром – городом и прилегающей к нему территорией. Свадебный подарок к тому же имеет в некотором роде сакральный смысл. Мало того что этот дар принесен в честь брачного союза – он еще и получен дочерью от отца. И это тоже немаловажный момент, так как в статье не говорится, что земля передана в дар супругам. Нет, она подарена именно дочери, ставшей супругой. Это значит, что территория Ингерманландии перестала быть частью Швеции, но и частью России, в полном смысле этого слова, не стала.

Анализ конструирования истории ингерманландскими интеллигентами и интерпретация их версии происхождения топонима “Inkerinmaa” не будут полными, если хотя бы вкратце не отметить политические настроения, имевшие популярность в среде интеллектуалов. Многие из них уже к концу XIX в. задумывались о судьбе своих соплеменников и всей Ингерманландии, понимая, что политическое самоопределение ингерманландцев – несбыточная мечта. Однако постепенно (к 10-м гг. XX в.) в их среде расцветают автономистские убеждения, в соответствии с которыми Ингерманландия представляется частью России, где ингерманландцы имеют права на самоуправление, изучение финского языка, знание своей культуры, истории и т.д. (Мусаев 2001). В таком ракурсе исторический миф, ключевым сюжетом которого является брачный союз между русским князем и шведской принцессой, порождает глубокое смысловое основание обособленности Ингерманландии в составе России.

Вторая и третья части первой лекции, опубликованные в № 40 от 6 октября и № 41 от 13 октября 1895 г., повествуют о длительной борьбе Шведского королевства с Новгородом и Россией за право обладания Ингерманландией. В этих заметках кратко обозначены события, происходившие в XI–XVI вв. Уместить в двух номерах даже краткую историю взаимоотношений Швеции и России за это время невозможно, а значит, авторы серии что-то включили в заметку, а о чем-то предпочли не упоминать.

Они отмечают усиление Новгорода в XI в. и разделение его территории на пять частей – пятин. По мнению авторов, Ингерманландия, таким образом, была переименована в Водскую пятину. Авторы не забывают напомнить читателям, что одним из новгородских князей был Ярослав, муж Ингигерды, после смерти которого отношения между Россией и Швецией стали ухудшаться (Inkeri 1895: № 40).

После этого авторы кратко, буквально по одному предложению, излагают суть Невской битвы 1240 г., основание Выборга и Ландскроны. Попытки шведов укрепиться в Ингерманландии с помощью крепостей вызывали враждебную реакцию у новгородцев, совершавших набеги на шведские укрепления. Подробности заключения Ореховского мирного договора не освещаются, говорится лишь, что миротворческая инициатива принадлежала шведскому королю. Ореховский мир стал первым письменным соглашением между Швецией и Россией и на многие годы положил конец бессмысленному кровопролитию.

В следующей статье мы оказываемся уже в XVI в., во времена правления Ивана Грозного. Описывается специфика взаимоотношений Швеции и России. Особый акцент делается на событиях заключительного периода Ливонской войны, когда Шведскому королевству удалось недолго удерживать Ингерманландию под своим контролем.

Большого внимания заслуживает заключительная часть первой лекции, в которой описывается, как Ингерманландия обрела границы, как она родилась физически. Речь идет, конечно же, о Столбовском мирном договоре, по условиям которого Швеция завладела всей Ингерманландией. Стоит отметить, что авторы вообще ничего не говорят о событиях, предшествовавших заключению Столбовского мирного договора. То есть Смутное время в России, а также вероломство правителей Швеции, вообще никак не упоминаются. Авторы пишут лишь о том, что долгая череда кровопролитных войн подошла к концу, а под всеми распрями в 1617 г. подвел черту Столбовский мирный договор.

Далее отмечается, что текст самого договора разместить в газете невозможно, но читателю предлагается ознакомиться с физическими очертаниями Ингерманландии, упоминаемыми в тексте мирного договора. После чего идет перечень фактов, упомянутых в договоре: длина реки Волхов – 200 верст, река Вуокса впадает в оз. Уусиярви (оз. Вуокса), от Орешка до Выборга 80 верст, и т.д. (Там же: № 42).

Вторая лекция названа “Inkerinmaan vanhempi asujamisto” (“Ингерманландское древнейшее население”). Она опубликована в двух номерах – № 46 от 17 ноября и № 51 от 22 декабря 1895 г. В ней рассказывается о финских коренных народах Ингер-

манландии – води (Vatjalaiset) и ижоре (Inkeröiset), о времени, когда они появились в Ингерманландии, о первых упоминаниях в исторических документах и т.д. Авторы отмечают, что и води, и ижора – финские народы, отличающиеся от ингерманландских финнов специфической культурой и языком. Причем води, как старейшему народу, уделено больше внимания, чем ижоре. Авторы пишут о тенденции уменьшения численности вожан, что вызывает у них сожаление (Там же: № 51).

Последняя лекция была опубликована в трех номерах в 1896 г. (№ 3 от 19 января, № 5 от 2 февраля и № 10 от 8 марта). В ней повествуется о новых (т.е. появившихся в XVII в.) народах Ингерманландии – зурямейсет, савакот и эстонцах, причем последние посвящено две заметки из трех. Почему зурямейсет и савакот оказались обделены вниманием авторов? Видимо, они решили, что информация об этих этнических группах публиковалась на страницах газеты не раз и повторно освещать их историю не нужно. И действительно, в № 6 от 20 января 1884 г. в рубрике “Suomalainen Inkerinmaa” (“Финская Ингерманландия”) печатается сообщение под заголовком “Heimot” (“Племена”). В нем об истории зурямейсет и савакот рассказывается на основании материалов академика Андреаса Шёгрена, впервые выделившего их во время исследования финских окрестностей Петербурга (Inkeri 1884: № 6).

Несмотря на то что часть, опубликованная в № 10 от 8 марта 1896 г., заканчивается словом “Jatk.” (“Продолжение следует”), именно она становится последней в исторической серии. Чем вызвано прекращение публикации исторических материалов – трудно сказать, так как в последующих номерах газеты разъяснений на этот счет не дается. Систематическое размещение материалов об истории Ингерманландии и ингерманландцев возобновится лишь в 1910-х гг., когда печать газеты будет перенесена в Выборг.

Неотъемлемым спутником газеты “Inkeri” исторические материалы стали только под редакцией Симо Эронена. Видимо, общий интерес к истории, имевший место в то время, захлестнул и это периодическое издание. Интеллигенты, входившие в редакцию газеты, считали публикацию исторических заметок важной частью просветительской работы, проводимой ими среди населения. С их логикой трудно спорить: народ имеет право знать о своих корнях. А что именно им надлежало знать о самих себе – решалось авторами и редакторами “Inkeri”.

Наиболее интересным примером просветительской деятельности исторического характера может считаться публикация книги пастора Феликса Реландера “Kuvaus Evankeelis-Luterilaisen Kirkon vaiheista Inkerinmaalla” (“Описание ингерманландского периода евангелическо-лютеранской церкви”). Книга была опубликована в 1913 г. на страницах самой “Inkeri”. Почти в каждом номере в 1913 г. печаталось по четыре страницы из книги так, чтобы читатель мог их вырезать и затем сшить. Книга содержала сведения об организации первых приходов, о положении лютеранских церквей в шведский период, о переходе под власть России и т.д. Кроме того, она включала в себя таблицу, дававшую представление о самых популярных и самых редких фамилиях Ингерманландии, а также их распространении по приходам.

Другая примечательная историческая акция газеты относится к тому же 1913 г. 26 июня 1913 г. увидел свет Токсовский номер “Inkeri”. Он занимал два номера (№№ 47А и 47В) и рассказывал об истории прихода, о пасторах и канторах, работавших в нем, о приходской церкви и о современных культурных и национальных деятелях Токсова, а также о приходском кладбище. Кроме того, токсовский номер содержал перечень фамилий финнов – жителей Токсова. Разворот газеты включал фотोगрафии пастора Реландера, кантора и народного просветителя Ряйккёнена, проповедника Иосифа Мухкюря и других знакомых жителям Токсова деятелей (Inkeri 1913: № 47А).

Впоследствии не раз выпускались исторические номера, посвященные тому или иному приходу Ингерманландии. В августе того же 1913 г. выходит номер об истории

приходов Шпаньково и Колпанам (Spankko-Kolppanan numero). Подобно Токсовскому номеру, он состоял из двух частей: № 60А и № 60В. Так как в приходе Колпаны располагалась Колпанская учительско-кистерская семинария, готовившая учителей для финских школ, основное внимание в номерах уделялось ее истории. Там же на средства императора Павла I была открыта первая школа для ингерманландских детей (Там же: № 60А). Этому событию также посвящена небольшая заметка. В остальной части структура Шпаньково-Колпанского номера напоминала Токсовский (перечисление пасторов и канторов, рассказ о приходской кирхе и т.д.). В 1914 г. вышел Лемболовский номер газеты “Inkeri”, продолжавшийся в трех частях (№№ 38А, 38В и 38С). Этот номер представил всестороннюю историю прихода Лемболово, расположенного в Северной Ингерманландии, рядом с приходом Токсово.

Каждый исторический номер, целиком посвященный истории какого-либо прихода, представлял ингерманландцам возможность познакомиться с уже знакомым для них местом. В некотором роде это были знаковые для всей Ингерманландии места, и номера, посвященные им, подтверждали их знаковость.

Таким образом, ингерманландские интеллигенты находили в прошлом ответы на многие вопросы. Их мнение тиражировалось тысячными экземплярами, передаваясь затем крестьянам. Знание собственной истории создавало почву для распространения в крестьянской среде представлений об общем происхождении ингерманландцев (миграции из Финляндии XVII в.) и об их общей судьбе. Размышление над вопросом “Кто мы?” теперь не занимало много времени, ведь ответ был готов. Таким образом, ингерманландское Прошлое рождало ингерманландское Настоящее.

III. Конструирование Настоящего: новости, объявления и общества трезвости

Историческая память, безусловно, является основой этнической идентичности индивидов. Образ прошлого служит тем фундаментом, на котором выстраивается мировоззрение человека, в том числе и его этнический компонент. Но представление о Настоящем не менее важно для самоопределения индивида. Что материалы “Inkeri” расскажут об ингерманландском Настоящем? Ответу на этот вопрос помогут описание и анализ структуры газеты.

Структура номеров первого года стабильно сохранялась в течение последующих лет. Как правило, на первой странице размещался материал основной темы номера, которая не имела строгой направленности. В большинстве случаев в этой заметке сообщалось о каком-либо важном для ингерманландцев событии. Например, в конце августа 1884 г. первая страница посвящена проходившему 16–19 августа III собранию школьных учителей в Петергофе (Inkeri 1884: № 69). Нередко на первой странице печатался некролог, посвященный ингерманландскому или финскому культурному деятелю. Первый некролог появился уже в № 21 от 13 марта 1884 г. и повествовал о жизни и смерти собирателя рун, крупнейшего деятеля финской культуры Элиаса Леннрота (Там же: № 21).

За темой номера следовал новостной блок, включавший в себя сообщения, касавшиеся Петербурга и его окрестностей, а также наиболее интересные новости Финляндии и зарубежья. Под новостным блоком, нередко занимавшим до 75% площади разворота, т.е. двух внутренних страниц, обычно печаталось литературное произведение на финском языке. Как правило, это были сочинения финских или русских писателей. Произведения Достоевского, Тургенева, Соллогуба и других российских писателей украшали многие номера. Редакция не отдавала предпочтения какому-то одному жанру, но многие опубликованные в газете произведения имели философский характер. Например, в №№ 49–52 за 1886 г. печаталось переведенное на финский язык

сочинение Льва Толстого “*Kuinka paljon maata ihminen tarvitsee?*” (“Много ли человеку земли нужно?”) (*Tolstoi* 1886).

Наряду с произведениями мэтров в “*Inkeri*” публиковалась проза начинающих финских писателей, а также поэтические произведения ингерманландских интеллигентов – Путро, Ряйккёнена, Габриэля Суни и др. Чаще всего стихи посвящались какому-либо торжественному событию, которое могло иметь отношение как к Ингерманландии, так и Финляндии. Например, в июле 1890 г. публикуется произведение Карло Крамсу “*Suomen Yliopiston 250 vuoden muistoksi*”, посвященное 250-летию юбилею Хельсинкского университета (*Inkeri* 1890: № 28). Замечательным примером ингерманландской поэзии является сочинение Суни “*Juhlaruno*” (“Праздничная поэма”), две части которого были опубликованы в июле 1899 г. (Там же 1899: №№ 50, 51). Поэзия публиковалась в “*Inkeri*” на всем протяжении существования газеты, вплоть до закрытия в 1917 г.

Основное различие номеров “*Inkeri*” 1884 г., издававшихся под редакцией А.Ф. Силена, и 1885 г., выпускавшихся под руководством Путро, состояло в отсутствии постоянных рубрик. Причиной тому мог быть дефицит материала. К тому же молодая газета под редакцией А.Ф. Силена еще не привлекала к себе пристального внимания со стороны цензуры. В номерах 1884 г. и даже начала 1885 г. можно встретить многие впоследствии запрещенные слова, такие как “*Inkerinmaa*” (“Ингерманландия”), “*Inkerin kansa*” (“народ Ингрии”) и др. В первый год существования редакция сознательно проводила границу между новостями русскими, ингерманландскими и финляндскими. Например, в начале 1885 г. в восточном блоке встречаются рубрики “*Venäjän maaseudulta*” (“В русской сельской местности”) и “*Inkerinmaan uutiset*” (“Новости Ингерманландии”) (Там же 1885: № 10).

Под редакцией Путро газета обрела стабильную структуру новостного блока, который в начале 1890-х гг. включал такие колонки, как “*Pietarista*” (“Из Петербурга”), “*Maaseudulta*” (“Из сельской местности”), “*Suomesta*” (“Из Финляндии”), “*Ulkomailta*” (“Из-за границы”), “*Kaikenlaista*” (“Всякая всячина”) и “*Niitä-näitä*” (“То да се”). Причем в рубрике “*Maaseudulta*” (“Из сельской местности”) публиковались сообщения как о русских, так и о финских деревенских событиях.

Колонка “*Pietarista*” (“Из Петербурга”) на протяжении второй половины 1880-х и 1890-х гг. включала в себя больше новостей, нежели другие колонки. Так, в первом номере 1890 г. эта рубрика содержала 24 новости, среди которых сообщения о прибытии в Санкт-Петербург герцогини Эдинбургской, о похоронах профессора С.П. Боткина, о смерти настоятеля прихода Маркково-Ярвисаари пастора Йохана Норлунда, о скором открытии в Санкт-Петербурге первого похоронного бюро, о пожаре на Выборгской стороне, о новой дискуссии в медицине, о покушении на убийство, о новой литературе на финском языке и т.д. (Там же 1890: № 1). Для сравнения: в том же номере в рубрике “*Suomesta*” (“Из Финляндии”) было опубликовано только четыре сообщения.

Структура “*Inkeri*” конца 1880-х гг. сохранялась даже после переезда газеты в Великое княжество Финляндское в 1910 г. Под руководством Эронена она претерпела незначительные изменения. Например, № 12 за 1910 г. включал в себя следующие рубрики: “*Uutisia*” (“Новости”), “*Pikku uutisia*” (“Маленькие новости”), “*Maaseutu*” (“Сельская местность”), “*Suomesta*” (“Из Финляндии”), “*Kirjallisuutta*” (“Литература”), “*Ulkomailta*” (“Из-за границы”), “*Yleisöitä*” (“Общественность”), “*Aikataulu*” (“Расписание”) и “*Ilmoituksia*” (“Объявления”) (Там же 1910: № 12). В некоторых номерах встречаются рубрики “*Taidetta*” (“Искусство”) и “*Maanviljelys*” (“Сельское хозяйство”).

В новостных рубриках размещалась информация о событиях, происходящих в разных средах – в некотором роде, в разных мирах. Благодаря этнографическим исследованиям середины XIX в. и 20-х гг. XX в. нам известно, что в большинстве приходов наравне с ингерманландскими деревнями существовали русские, водьские и ижорские

деревни. Более того, многие деревни имели смешанный состав, т.е. русские, ингерманландцы, ижоры и другие группы жили по соседству друг с другом. Это значит, что ингерманландские финны ежедневно сталкивались с носителями других культур, находясь с ними в постоянном взаимодействии. На страницах "Inkeri" этническая дифференциация приобретала четкие очертания. Читателям, в реальности сталкивающимся с многообразием языков и культур, открывался иной мир – мир "Inkeri", где на финском языке описывались ингерманландские события, где удаленные друг от друга деревни сливались в одну Ингерманландию и где незнакомые люди становились ингерманландцами.

Но формированию образа Настоящего у читателей-ингерманландцев способствовали не только новостные сообщения и главные темы номеров. Не менее важную роль в этом играли объявления.

Уже с первых выпусков газеты становится понятно, что рекламе и объявлениям отведено в ее структуре не последнее место. Те небольшие деньги, которые газета получала от рекламодателей, шли на оплату расходов, связанных с подготовкой и выпуском новых номеров. Лишь № 19В от 10 мая 1896 г., посвященный коронации императора Николая II, был полностью лишен рекламы (Там же 1896: № 19В). Во второй половине 1880-х гг. объявления и реклама занимали до 50% площади газеты. Эти сообщения, печатавшиеся на последней (иногда и на первой) странице, имели разноплановый характер, но в большинстве случаев были адресованы крестьянам.

В газете нередко публиковались объявления, призывавшие читателей пожертвовать немного денег на строительство церкви или на помощь пострадавшим от неурожая и пожаров. После сбора средств приносились благодарности. В № 6 от 8 февраля 1885 г. на русском и финском языках вышло сообщение: "Бедная вдова, мать семерых малолетних детей, просит меня выразить сердечную свою благодарность и признательность всем добродушным жертвователям, собравшим в пользу ее семьи 242 р. 25 к.". Объявление подписано инициалами "Г.Л." (Там же 1885: № 6).

Во многих номерах размещались объявления о вакансиях. Вакансии предлагались разнообразные: от швейцаров и садовников до компаньонов со знанием финского языка. Большинство объявлений печатались на финском языке, но встречаются и исключения. Так, в № 36 от 6 сентября публикуется сообщение на русском: "Садовник, говорящий по-русски и по-фински, трезвого поведения, нужен на мызу близ Иматры; небольшие оранжерея и огород, цветник. Спр. у швейцара у Казанск. Моста, по каналу д. № 12, ежедневно, кроме праздников, от 12 1/2 до 3 1/2 ч." (Там же: № 36).

Многое могут сказать и рекламные объявления. Помимо упоминавшейся ранее рекламы книжного магазина Антона Линдеберга каждый номер содержал не менее 10 рекламных сообщений, призывавших читателей купить тот или иной товар либо воспользоваться услугой. Например, во многих выпусках на первой странице присутствует реклама финноязычного лекаря, принимавшего пациентов в Петербурге. Среди прочего крупными буквами печаталось сообщение с просьбой к читателям порекомендовать газету своим друзьям и знакомым.

Реклама товаров и услуг, необходимых сельскому жителю, занимала большую площадь по сравнению с обычными объявлениями; при этом рекламодатели старались придать ей некоторую уникальность. В 1896 г. начинает размещаться реклама шведских стальных бидонов для хранения и перевозки молока, которая нередко занимала до 1/3 площади страницы. Во второй половине 1890-х гг. в рекламных сообщениях появляются рисунки и фотографии.

Затрагивая тему объявлений, нельзя обойти объявления финских общественных организаций, возможно, игравших значительную роль в группизации ингерманландских финнов. Первым финским обществом, печатавшим извещения о своей работе и приглашения вступить в него, стало общество трезвости "Alku" ("Начало"). Его

создали в 1885 г. в Петербурге Карло Суомисен и Ольга Суомисен, которые на протяжении многих лет были его руководителями (Nevan kuukauslehti 1910). Общество пропагандировало здоровый образ жизни и отказ от спиртного. Члены общества участвовали в благотворительной деятельности, занимались организацией культурно-развлекательных мероприятий, научно-просветительских лекций на финском языке и т.д. Сознали его руководители или нет, но их деятельность была еще одним фактором, оказывающим воздействие на идентичность ингерманландских финнов, т.е. на их представление себя частью одной макрогруппы. Подтверждением служит факт, что помимо петербургского отделения “Alku” имело множество ячеек в приходах. Интересно то, что с 1885 г. и до прекращения выпуска ни один номер “Inkeri” не обошелся без рекламы этой организации. Кроме рекламы и объявлений, ежегодно на первой странице публиковались годовые отчеты общества.

Чуть позднее было создано общество трезвости “Inkeri” (“Инкери”), которое также регулярно печатало извещения о своей работе. Его создание было обусловлено желанием разграничить территории влияния: так, за “Alku” закреплялся Петербург и, соответственно, петербургские финны, а “Inkeri” должно было вести пропаганду среди ингерманландцев. Но на практике общества вели работу, часто соприкасаясь друг с другом. Наиболее распространенными сообщениями “Inkeri” были приглашения вступить в общество, извещения о собраниях общества, о работе приходских отделений, о руководителях приходских ячеек, о новых мероприятиях и т.д.

Коммуникацию представителей центральных органов обществ в виде объявлений, размещенных в газете, нельзя назвать односторонней. В редакцию приходили открытые письма рядовых членов и руководителей приходских ячеек, которые также публиковались на страницах газеты. Например, в № 7 от 12 февраля 1888 г. опубликовано письмо учителя Э. Коукку, который делится своими предложениями относительно проведения съезда членов финских обществ трезвости (Inkeri 1888: № 7). Эта связь между интеллигенцией и рядовыми ингерманландцами обрывается лишь в 1917 г., когда газета прекращает свою работу (Пюккениен, Сыров 2008).

Таким образом, газета благодаря объявлениям становилась не просто каналом передачи информации от меньшинства (авторы и редакция) к большинству (читатели); она служила средством установления информационных связей в ингерманландской среде, подтверждая тем самым существование самой среды. Благодарности, предложения сотрудничества, обращения за помощью, вакансии и другие объявления дополняли картину мира читателя. Он знал, что в реальности существуют индивиды, компании, социальные действия, благородные инициативы, товары и т.д. И все они существуют в Ингерманландии, так как реальность части ведет к реальности целого, в нашем случае – к реальности контекста.

IV. Конструирование Духа: лютеранство, нравственность и газета “Neva”

Ранее мы отмечали, что в истории газеты “Inkeri” был период временного прекращения выпуска – с конца 1905 по конец 1907 г. Причины закрытия нами также обозначались. Но мы обошли стороной вопрос возобновления выпуска, для того чтобы вернуться к нему в этой части статьи. Как оказалось, этот вопрос самым непосредственным образом связан с проблемой определения места религии в мире ингерманландских финнов. Церковь сопровождала ингерманландцев от колыбели до смертного одра, будучи наиболее близким к ним социальным институтом. Пасторы и канторы пользовались всеобщим уважением, а вера была частью мировоззрения ингерманландцев (как и во многих других традиционных обществах). Но далеко не все в среде ингерманландской интеллигенции имели положительное отношение к церкви и к лютеранскому духовенству.

Новый этап в истории газеты “Inkeri” начался в конце 1907 г., а точнее, с № 1 от 21 декабря указанного года. Внешний вид издания претерпел незначительные изменения. Так, под названием газеты, напечатанным крупными буквами, появилась строчка – “Pietarin ja Inkerinmaan kuulumisia” (“Петербургские и Ингерманландские новости”). На первой странице номера располагалось сообщение “Tehtävämme” (“Наша миссия”), в котором обозначались цели возрожденной газеты, и пред рождественская заметка “Puhä yö” (“Святая ночь”) (Inkeri 1907: № 1). Главным редактором “Inkeri”, как и прежде, был Путро. Однако теперь ему помогали Ряйккёнен, занимавший должность исполнительного редактора, и выпускающие редакторы А. Тайвалант и Ю. Парвиайен.

Возобновление выпуска “Inkeri” могло быть ответом на деятельность газеты “Neva”, основанной ранее в этом же году. Редактором этой газеты был Каапре Тюнни, которому помогали Аапо Весикко и Юхана Перяляйнен (РГИА 2: Л. 1–2). Издание сумело сплотить вокруг себя молодых ингерманландских интеллигентов, выпускников Колпанской семинарии. Притом что структура самой газеты “Neva” и ее внешний вид практически не отличались от “Inkeri”, помимо петербургских и деревенских новостей в ней публиковались статьи, имевшие политическую подоплеку. Но более примечательно то, что в “Neva” постоянно размещались заметки и статьи антирелигиозного характера. В них авторы нередко обрушивались с критикой как на церковное управление и деятельность отдельных пасторов, так и на незыблемые основы христианства.

Большой интерес представляет просветительская антицерковная инициатива газеты “Neva” в 1910 г. В течение полугода выпускались ежемесячные многостраничные бесплатные приложения “Nevan kuukauslehti” (“Невский ежемесячный журнал”). Они содержали самую разную информацию, нередко антицерковного характера. Многие номера украшали картинки, разоблачавшие священнослужителей, где они изображены как лентяи, обжоры, пьяницы и т.д. Каждый номер содержал историческую справку о какой-либо личности. Как правило, это были ученые, политики и писатели. Все они были либо социалистами, либо националистами. Например, в февральском номере размещена статья о немецком политике-марксисте Августе Бебеле, а в майском рассказывалось о лауреате Нобелевской премии 1903 г. норвежском писателе Бьёрнстjerne Бьёрнсоне (Nevan kuukauslehti №№ 2, 5).

Подобные взгляды, открыто выражавшиеся представителями газеты “Neva”, вызвали опасения у “старой” интеллигенции и лютеранского духовенства. Возникла необходимость в ответной реакции. Уже в начале февраля 1908 г. (т.е. спустя месяц после возобновления выпуска) в газете “Inkeri” была опубликована заметка, в которой авторы и редакция газеты “Neva” обвинялись в язычестве и в склонении к язычеству своих соплеменников – ингерманландских финнов (Inkeri 1908: № 11).

Не секрет, что с момента основания и до своего закрытия “Inkeri” освещала многие религиозные вопросы, подчеркивая в публикациях христианское основание ингерманландской культуры. Основанная священнослужителями, эта газета проводила многие церковные идеи в массы, формируя в сознании читателей причинно-следственную связь между верой и добропорядочностью. В самом начале своей истории, в № 35 за 1884 г., на первой странице публикуется статья “Uskonto ja siveellisyys” (“Религия и нравственность”). В ней отмечается неразрывная связь веры и нравственности: вторая представляется следствием первой. Основная идея статьи выражалась в тезисе: “Нравственность есть плод веры, а вера для нравственности – корень и основа” (Там же 1884: № 35).

Наряду с освещением фундаментальных вопросов веры, в “Inkeri” печатались статьи и заметки, в которых рассказывалось о христианских праздниках, ежегодных собраниях лютеранских пасторов, развитии воскресных школ, христианских инициативах отдельных личностей и т.д. Редакция газеты, ее авторы, да и просто люди, помогавшие ей, считали лютеранство составной частью самосознания ингерманландского

финна. Напротив, “Neva” видела ингерманландцев гражданским светским обществом, в котором религия не занимала ключевых позиций.

Первый номер “Inkeri” от 1 января 1908 г. включал в себя большую, в нескольких частях, статью “Mietteidä uudella vuodella” (“Мысли наступившего года”). В ней в разделе “Miksi pirstoaa Inkerin kansa?” (“Почему дробится ингерманландский народ?”) авторы соглашались с тем, что свобода и суверенитет собственного народа являются и для них высшей мечтой, но они вопрошают: почему оскорбляются религиозные чувства и на фоне благородной идеи ущемляются права веры? (Там же 1908: № 1). Это расхождение и составляло суть конфликта финских газет “Inkeri” и “Neva”. Но, несмотря на разное видение места религии в жизни ингерманландцев, и те, и другие способствовали постепенной консолидации своих соплеменников.

* * *

Более тридцати лет ингерманландские интеллигенты печатали на страницах “Inkeri” статьи и заметки о событиях, которые, по их мнению, волновали ингерманландцев или могли быть им интересны. Газета стала, с одной стороны, результатом этнокультурного развития ингерманландских финнов, а с другой – его неотъемлемым активизирующим компонентом. Благодаря “Inkeri” финские интеллигенты поддерживали внутренние информационные связи, объединяя ингерманландские приходы в одно целое – Ингерманландию. Внимание финских крестьян приковывали новости приходов, освещавшие даже незначительные события, но вместе с тем представлявшие образ хорошо знакомых мест, людей и событий, наравне с которыми события других финских деревень и приходов воспринимались как происходящие на собственной родине, у своих соплеменников. В таком случае роль новостного периодического издания в формировании этнической идентичности читателей может считаться более чем значительной. И это только новости. Значение таких неотъемлемых частей структуры газеты, как “тема номера” (основная статья), “художественное произведение” и “объявления”, трудно переоценить при анализе этнической функции периодического издания.

К началу XX в. этническая картина Санкт-Петербургской губернии претерпела определенные изменения по сравнению с тем временем, когда ее изучали А.И. Шёгрэн и П.И. Кеппен. Количество представителей “старых” народов уменьшалось, а количество ингерманландцев росло. Так, Тюнни пишет о 121 659 ингерманландцах к 10-м гг. XX в. (Тюнни 1934: 3). Возможно, объяснение кроется не в высокой смертности среди коренных финнов губернии и не в высокой рождаемости финнов-ингерманландцев, а в смене идентичности или обретении ее финнами. В этом процессе не последнюю роль сыграла газета “Inkeri”, которая в 1884–1917 гг. наряду с удовлетворением информационных потребностей финнов Петербургской губернии формировала у них общие представления о Прошлом и Настоящем, об Ингерманландии и ингерманландскости.

Источники и материалы

- Пюккенен, Сыров 2008 – Пюккенен А., Сыров А. Путь в ингерманландской истории. Газета “Inkeri” от А.Ф. Силена до А.И. Кирьянена // Inkeri. 2008. № 1 (066).
- РГИА 1 – Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2106. Об издании в Петербурге газ. “Uusi Inkeri” на финском яз.
- РГИА 2 – Российский государственный исторический архив. Ф. 777. Оп. 8. Д. 307. Газета на финском языке “Neva”.
- Jamalainen 1982 – Jamalainen E. Inkerin kulttuurityön tekijöitä // Inkeriläisten viesti. 1982. № 2. S. 3–29.
- Inkeri 1884 – Inkeri. 03.01.1884. № 1; 20.01.1884. № 6; 13.03.1884. № 21; 01.05.1884. № 35; 28.08.1884. № 69.

- Inkeri 1885 – Inkeri. 08.02.1885. № 6; 08.03.1885. № 10; 06.09.1885. № 36.
 Inkeri 1888 – Inkeri. 12.02.1888. № 7.
 Inkeri 1890 – Inkeri. 05.01.1890. № 1; 13.07.1890. № 28.
 Inkeri 1895 – Inkeri. 29.09.1895. № 39; 06.10.1895. № 40; 20.10.1895. № 42; 22.12.1895. № 51.
 Inkeri 1896 – Inkeri. 10.05.1896. № 19B.
 Inkeri 1899 – Inkeri. 16.07.1899. № 50; 22.07.1899. № 51.
 Inkeri 1907 – Inkeri. 21.12.1907. № 1.
 Inkeri 1908 – Inkeri. 01.01.1908. № 1; 15.01.1908. № 5; 18.01.1908. № 6; 05.02.1908. № 11.
 Inkeri 1910 – Inkeri. 25.03.1910. № 12.
 Inkeri 1913 – Inkeri. 26.06.1913. № 47A; 15.08.1913. № 60A.
 Nevan kuukauslehti 1910 – “Alku”-raittiusyhdistyksen 25-vuotisen juhlan johdosta // Nevan kuukauslehti. 1910. № 4 (helmikuu).
 Putro 1885 – Putro M. “Inkerin” lukijakuunale // Inkeri. 08.02.1885. № 6.
 Putro 1905 – Putro M. Hyvästi! // Inkeri. 02.12.1905. № 48.
 Tolstoi 1886 – Tolstoi L. Kuinka paljon maata ihminen tarvitsee? // Inkeri. 05.12.1886. № 49.
 Tynni 1934 – Tynni K. Kolppanan opettajaseminaari ja sen merkitys Inkerin kansan elämässä // Suomalainen Inkeri. 1934. S. 3–7.

Научная литература

- Григорьева 1995 – Григорьева И.П. Музыкальная культура ингерманландских финнов второй половины XIX и XX столетий: Исследование. СПб: Буква, 1995.
 Иванов 2004 – Иванов М. Лютеранский квартал в Петербурге. СПб.: Европейский дом, 2004.
 Конькова, Кокко 2009 – Конькова О.И., Кокко В.А. Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009.
 Мусаев 2001 – Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX в. Кишинев; СПб.: Nestor-Historia, 2001.
 Прибалтийско-финские... 2003 – Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 2003.
 Пюккенен 2007 – Пюккенен А.Ю. Токсово – приход и поселок. СПб: ИД “Инкери”, 2007.
 Халтсонен 2010 – Халтсонен С. Ингерманландские финские школы и этапы народного просвещения // История ингерманландских финнов / пер. с фин. Р.И. Иванен. СПб.: Полторацк, 2010. С. 206–272.
 Sihvo 1991 – Sihvo P. Savakoita, äyrämöisiä, inkerikoita // Inkeri: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1991. S. 179–198.

Article Summary

D.P. Karanov. Gazeta “Inkeri” kak sredstvo konstruirovaniia ingermanlandskoi identichnosti (konets XIX – nachalo XX v.) [Newspaper “Inkeri” as a Means of Constructing Ingrian Identity (Late 19th – Early 20th Centuries)]

Keywords: newspaper *Inkeri*, construction of ethnic identity, Ingrian Finns, St. Petersburg region Finns, Finnish press in St. Petersburg, ethnic and cultural development

Abstract: The article discusses the part that the *Inkeri* newspaper played in the construction of identity of Ingrian Finns in the late 19th – early 20th centuries. The newspaper is shown as an edition that both catered to the informational needs of the Ingrians, and simultaneously shaped their notions of the self and others. The author examines the set of themes that made the newspaper influential, as well as the involvement of a number of important individuals in the development of the edition. The research is drawn on data obtained through the content analysis of the newspaper’s issues published in 1884–1905 and 1907–1917.

Author: **Dmitry Karanov**, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences (St. Petersburg, Russia); e-mail: karanov@inbox.ru

References:

- Grigorieva I.P. *Muzykal'naia kul'tura ingermanlandskikh finnov vtoroi poloviny XIX i XX stoletii*. St. Petersburg: Bukva, 1995.
- Haltsonen S. Ingermanlandskie finskie shkoly i etapy narodnogo prosveshcheniia. *Istoriia ingermanlandskikh finnov*. St. Petersburg: Poltorak, 2010, pp. 206–272.
- Ivanov M. *Liuteranskii kvartal v Peterburge*. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2004.
- Kon'kova O.I. & Koko V.A. *Ingermanlandskie finny. Ocherki istorii i kul'tury*. St. Petersburg: MAE RAN, 2009.
- Musaev V.I. *Politicheskaia istoriia Ingermanlandii v kontse XIX – XX v.* Kishinev & St. Petersburg: Nestor-Historia, 2001.
- Klement'ev E.I. & Shlygina N.V. (eds.). *Pribaltiisko-finskie narody Rossii*. Moscow: Nauka, 2003.
- Piukkenen A.Y. *Toksovo – prikhod i poselok*. St. Petersburg: ID “Inkeri”, 2007.
- Sihvo P. Savakoita, äyrämöisiä, inkerikoita. *Inkeri: historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1991, pp. 179–198.